

М А С Т Е Р

Скажем о Габите Мусрепове кратко и по возможности точно: мастер. Среди литераторов есть много подмастерьев и очень мало мастеров. Мастер — особенно сведущий или искусный в своем деле человек. К этому определению из толкового словаря рискованно добавить исключительно важный эпитет (увы, тоже порою произносимый всуе) — и особенно талантливым.

Мастер... Это слово приходит на ум, когда читаешь и перечитываешь снова книгу Габита Мусрепова «Однажды — и на всю жизнь». Дело в том, что рассказывается в ней о событиях и людях, в общем-то знакомых. Возьмем повесть, давшую название сборнику. Легко догадаться, что образ Еркебуланы навеян дорогим писателю сердцу реальным образом Сакена Сейфуллина. Вехи биографии совпадают: поэт-трибун, agitator и борец за Советскую власть развеззает по аулам; поэт работает в Совдепе, редактирует недавно родившуюся казахскую газету; поэт попадает в застенки к белогвардейским палачам, вырывается из тюрьмы и бежит на юг, где, по слухам, укрепились Советы.... Все, казалось бы, в этой повести написано по широко известным материалам. Так нет же!.. Пленительной Аклимой, светлой и горемычной Аклимой, излу-

чением добра и красоты, признана эта повесть, как солнце неожиданно пронизывает утром карагачевую ветвь у твоего окна. И листья, виденные бесчисленное число раз, вдруг приобретают единственный, неповторимый цвет и рисунок...

Можно понять тактичность писателя, не рискнувшего назвать героя его подлинным именем. Он как бы говорит бесчисленным почитателям Сейфуллина:

— Нашего Сакена в его трудную боевую молодость посетила большая любовь, проникающая к нему и сквозь решетку тюремной камеры.

А если найдется скучный буквалист и скажет: «Да, но в биографии Сакена нет Аклимы», — тогда мастер может возразить:

— Помилуйте, у меня речь идет о Еркебулане...

Хочется обратить внимание еще на одну особенность этой повести или лирической поэмы в прозе — в ней ненавязчиво, очень естественно показана органическая связь поэта Еркебуланы-Сакена с талантливыми певцами прошлого, с чародеем песни Биржаном.

Об этой повести написано много. И много можно еще

написать. Но я хочу ограничиться кратким соображением по поводу последней, восьмой главы. Главы о взыскательности поэта, о горьком и святом чувстве недовольства собой, о хуле и похвале. О том, как от напряжения может лопнуть струна домбры...

Эта глава, как впрочем и вся повесть, могла выйти только из-под пера мастера.

Книга завершается миниатюрной трилогией «Через двадцать лет» о катастрофе, постигшей Хиросиму и Нагасаки в августе 1945 года. Сколько очерков и рассказов написано об этом, всем известны даже детали варварской атомной бомбардировки. Но в «Рассказе спины», «Рассказе глаз» и «Рассказе камня» об этом говорится по-своему, по-мусреповски. Он увидел трагические подробности, не примеченные другими, нашел черты мужества там, где, казалось, одно неисчерпаемое горе. И в «Рассказе камня», избегая общих публицистических фраз, он отыскал свой емкий образ каменного человека, чьи глаза, прикрытые тяжелыми веками, умоляют, чтобы не повторилась беда.

Книга «Однажды — и на всю жизнь» удивительнейшим образом вместила в себя весь творческий путь Габита Мусрепова.

Его рассказы о матери, возникшие в тридцатых годах и продолженные в годы войны, воспринимаются не как хрестоматийные, прочно вошедшие в историю литературы, а как произнесенное сейчас живое слово.

Мастерство неотделимо от доброты, мастеру пристало быть добрым. Добротой переполняется его сердце, когда он говорит о матерях и поэтах, о горестях человека.

Мастер часто улыбается. Но не только доброй улыбкой. В ней много оттенков — улыбка может быть снисходительной, может быть иронической и, больше того, — язвительной. Она может быть просто злой, уничтожающей. Достаточно прочитать превосходный «Этнографический рассказ», чтобы почувствовать эти гаммы мусреповских улыбок. Там свойственная писателю ирония перерастает в пафос разоблачения родовых пережитков в ауле. Мусрепов без нажима показывает обреченность старого феодального строя.

Особо следует выделить «Автобиографический рас-

сказ», ставший своеобразным вступлением к этой книге. Не года — десятилетия спрессованы в нем. О молодости Габита, о том, как он служил писарем и милиционером, как он поступал на оренбургский рабфак, впервые я узнал из «Школы жизни» Сабита Муканова. Но те же самые факты в изложении Габита Мусрепова приобрели свою окраску, свою улыбку тональность.

Шутка в «Автобиографическом рассказе» перемежается с серьезными высказываниями. И, в частности, о писательской судьбе. С лирической проникновенностью рассказал Мусрепов о дяде Батпае и его дочери Батиме, игравших — отец на домбре, девушка на кобызе — в степи, у берегов озера Кожабай. Там юный Габит впервые услышал «Кыз-Жибек» и «Козы-Корпеш». Прошло еще несколько лет, и в гостях у своего незабвенного учителя Бекета Утегелюова он сам исполнил наизусть отрывки из «Кыз-Жибек». А спустя десятилетия, уже признанный мастер драматургии, он присутствовал на тысячном представлении «Кыз-Жибек» в Казахском оперном театре. И нельзя представить себе казахское искусство без его пьес, без его либретто, без его киносценариев.

А. БРАГИН.

Коллекция
Ташкент
1971, 4 экз.